

**Священник Максим ПЛЯКИН,
секретарь Епархиальной комиссии
по канонизации подвижников благочестия
Саратовской епархии**

ГОНЕНИЯ НА РУССКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ В 1940-Е ГОДЫ

В наступившем году наша Церковь отмечает юбилей, горький и скорбный, но одновременно и радостный для церковных людей, — столетие со дня кончины первых новомучеников XX столетия. Хотя «убиенные за веру и Церковь» были в Российской империи и до большевицкого переворота (так, 29 декабря 1905 г. в селе Алупка Ялтинского уезда Таврической губернии левыми радикалами был убит местный священник Владимир Капитонович Троепольский), однако обычно отсчет страданий новомучеников церковные историки начинают с 31 октября (13 ноября) 1917 года — в этот день (всего через 5 дней после октябрьского переворота!) в городе Царское Село Петроградской губернии (ныне г. Пушкин) большевиками был убит протоиерей Иоанн Александрович Кочуров, ныне чтимый Церковью как святой священномученик Иоанн Царкосельский. Убит после того, как накануне отслужил молебен о прекращении междоусобной брани. Убит теми самыми людьми, которые словами своего гимна обещали разрушить до основания весь мир.

Сегодня мало найдется тех, кто вовсе не слышал о репрессиях конца 1930-х годов, так называемом Большом терроре. Именно на 1937–1938 годы приходится пик как вообще числа репрессированных за годы советской власти, так и конкретно христианских мучеников. Речь идет не только о православных христианах — к 1939 году на всей

территории Советского Союза осталось лишь два действующих католических храма (в Москве и в Ленинграде) и два открыто служащих священника, оба иностранцы, числившиеся за соответствующими дипломатическими миссиями (США и Франции). Местное католическое духовенство было репрессировано (в случае советских граждан) или депортировано из страны (если они имели не советское подданство) полностью.

С точки зрения обыденного здравого смысла итог первой половины XX века для Русской Православной Церкви был ужасающий — общее число репрессированных священнослужителей, о которых нам сегодня известно, почти вдвое превосходит число духовенства и монашествующих дореволюционной Греко-Российской Церкви, оказавшихся на территории РСФСР, то есть примерно за четверть века русские священники и монашествующие были выбиты дважды¹. Число действующих храмов сократилось даже не в разы — на порядки (например, в Ленинграде к началу Великой Отечественной войны действовало лишь 5 храмов).

¹ Согласно официальной статистике, на 1915 г. в клире Греко-Российской Церкви (т.е. Российская империя с Польшей и Финляндией + Сан-Францисская епархия в США и на Аляске + три заграничные миссии — Пекинская, Японская и Урмийская) числилось 3 митрополита, 25 архиепископов, 114 епископов, 112 629 священников, диаконов и псаломщиков, 29 128 монахов и монахинь. В то же время, по данным Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, с 1917 по 1941 г. было казнено или убито без суда и следствия около 130 000 священнослужителей (т.е. всех «служителей культа», от псаломщиков до митрополитов), не считая тех, кто умер в лагерях, отбывая срок заключения. С учетом естественной смертности, эмиграции части духовенства и епископата (ставших основой Русской Православной Церкви Заграницей), исключения из гонений той части российского клира, кто оказался за пределами Советской России, и с поправкой на смерти в концлагерях тех, кто не был непосредственно приговорен к смертной казни, мы получим число жертв гонений в предвоенный период как примерно двукратное относительно численности «служителей культа», имевшихся в пределах Советской России на начало гонений.

Однако это не только боль и скорбь Русской Церкви — это еще и повод для радости. Эта радость бывает непонятна нехристианскому миру, однако об этом говорил еще на заре истории христианской литературы святитель Иоанн Златоуст: «Благословен Бог: и в наш век произрасли мученики и мы удостоились видеть людей, закалаемых за Христа» (Беседа 3 на Книгу Паралипоменон). Эта радость — о том, что среди христиан вновь и вновь находятся люди, которые готовы до пролития собственной крови, до прекращения собственной жизни, не страшась ни мук, ни смерти, отстаивать свои идеалы, отстаивать свою верность Христу и Его Церкви. Это всегда для христиан было показателем того, что Церковь продолжает жить.

И несмотря на то что гонения XX века собрали на территории нашей страны поистине страшную жатву среди верующих во Христа, именно количество людей, которые готовы были засвидетельствовать свою веру, и стало показателем того, что вопреки поставленной гонителями цели — к 1937 году имя Божие должно было быть забыто на территории СССР — Церковь Божия на Русской земле выжила и продолжала существовать.

Мне хотелось бы рассказать сегодня о том периоде гонений, который значительно менее известен — гонениях военного и первого послевоенного времени. Отличительная черта этого периода — сосуществование (порой в одном городе) совершенно разных процессов: частью благоприятных для Церкви, частью — лишь продолжавших гонительную политику советских органов довоенного периода.

В популярной литературе господствует весьма упрощенный взгляд на это время — мол, после пика репрессий наступило некоторое затишье, начавшаяся война привела к потеплению отношений Церкви и государства, поскольку государство стало нуждаться в патриотическом ресурсе, а после знаменитой встречи в Кремле 4 сентября 1943 года

И. В. Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) наступило возрождение Церкви.

Разумеется, невозможно в небольшой статье охватить все события церковной истории того десятилетия на всем пространстве Советского Союза, но я постараюсь на примерах, преимущественно из истории нашего родного края, показать, что реальное положение Церкви в СССР в эти годы существенно отличалось от такой благостной схемы.

Прежде всего, взглянем на то, в каком состоянии Церковь подошла к началу 1940-х годов. На территории Саратовской области и АССР немцев Поволжья существовала Саратовская епархия Русской Православной Церкви, в которой, помимо центральной Саратовской, действовали следующие епископии: Аткарская, Балашовская, Вольская, Петровская, Покровская и Пугачевская. Согласно сведениям Комиссии культов ЦИК СССР, на 1 сентября 1936 года в Саратовском крае действовало 62 храма, в Республике немцев Поволжья — 17, при том что до революции на той же территории действовало (согласно тому же отчету) 1325 храмов. Иными словами, еще до начала Большого террора в 95% храмов нашей земли уже была пресечена богослужебная и приходская жизнь.

Архиепископ Саратовский Афанасий (Малинин) был арестован летом 1935 года, его преемник архиепископ Серафим (Силичев) — 28 марта 1936 года, назначенный тому на смену епископ Вениамин (Иванов) — 18 сентября 1937 года. 15 сентября 1937 года был расстрелян находившийся в лагере архиепископ Серафим, чуть более чем через месяц, в последних числах октября, в саратовской тюрьме был расстрелян епископ Вениамин. Архиепископ Афанасий скончался в архангельской ссылке 27 мая 1939 года. В живых и на свободе остался только престарелый и тяжело больной архиепископ Саратовский и Петровский Досифей

(Протопопов), который еще с 1927 года находился на покое и епархией не управлял.

Викарный епископ Аткарский Николай (Парфёнов) был арестован 29 декабря 1936 года и скончался 20 января 1939 года в тюрьме города Владимира. Балашовская кафедра после ареста 13 февраля 1930 года епископа Иакова (Маскаева) так и не была замещена, сам священномученик Иаков был расстрелян 29 июля 1937 года. Последний Вольский епископ Сергей (Куминский) был переведен 14 апреля 1936 года в город Ачинск викарием Красноярской епархии, где и был расстрелян 11 декабря 1937 года. Петровское викариатство не замещалось с 1928 года — после перевода епископа Андрея (Комарова) в Вольск. Епископ Покровский Павел (Флеринский) с 1936 года находился на покое по болезни после отбытия пятилетнего лагерного срока, жил в Казани и викариатством не управлял. Скончался он 14 октября 1940 года там же, в Казани. Последний Пугачевский епископ Стефан (Виноградов) был арестован в декабре 1935 года, 18 мая 1936 года приговорен к заключению в лагерь и 3 января 1938 года расстрелян в лагере под Томском.

Таким образом, к моменту начала войны из всех саратовских архиереев уцелел лишь тяжело больной архиепископ Досифей, и церковное управление в пределах Саратовской епархии фактически не существовало. Кроме того, в Куйбышеве, нынешней Самаре, на покое жил бывший Вольский викарий Саратовской епархии архиепископ Андрей (Комаров), 27 апреля 1939 года уволенный от управления Астраханской епархией. Владыка служил в Покровском храме Куйбышева, и из этого единственного храма состояла на тот момент вся Куйбышевская епархия.

Саратовской епархии повезло еще меньше — постановлением Саратовского горсовета от 17 июня 1939 года была закрыта церковь в честь Сошествия Святого Духа на апостолов. По всей видимости, это был последний православный

приход на территории Саратовской области и АССР НП, в котором легально продолжались богослужения. Возможно, кто-то из уцелевших и находившихся на свободе священников продолжал служить дома — из материалов следственных дел известно, что дома у некоторых священников хранились антимины их разоренных церквей, но открытое совершение Евхаристии в нашей епархии с лета 1939 года прервалось. В ряде районов области перед началом войны отмечалось нелегальное совершение треб — крещений, отпеваний, молебнов, но официальной регистрации эти немногочисленные пастыри не имели.

Таким образом, к началу 1940-х годов территория Саратовской епархии представляла собой в духовном отношении выжженную пустыню, лишенную как законного церковного управления, так и открытого совершения таинств Церкви. Слава Богу, этот период продлился недолго, но церковный организм на нашей земле был в эти годы практически обезглавлен.

«Затишье» в гонениях после конца 1938 года, когда НКВД СССР возглавил Л. П. Берия, коснулось и Церкви — некоторые священники из числа тех, кто пережил Большой террор, смогли вернуться в родные места. Так, весной 1939 года из казахстанской ссылки в Саратов вернулся пугачевский священник Иоанн Заседателев, чей срок ссылки закончился еще в сентябре 1937 года, но которого так и не отпустили на свободу.

Начавшаяся война действительно заставила гонителей несколько скорректировать свои планы относительно полного истребления религии в СССР, но эти планы никогда вплоть до самого конца советской власти не отменялись вовсе.

В тот же самый день, когда нацистская Германия напала на СССР, 22 июня 1941 года, Управление НКВД по Московской области выдало ордер на арест иеромонаха Феодора

(Богоявленского), настоятеля храма в селе Язвище. У отца Феодора к тому времени был за плечами трехгодичный лагерный срок, и его несколько раз пытались принудить к «секретному сотрудничеству» с НКВД, то есть стать осведомителем «органов». Убедившись в бесплодности своих попыток повлиять в нужном им ключе на священника, гонители арестовали его. Обвинение в «проведении пораженческой агитации» в условиях военного времени было практически гарантированным смертным приговором, но следователям мало было обвинить самого отца Феодора — им были необходимы имена его духовных детей из подпольных общин, которые он окормлял. Следствие велось сначала в Москве, а затем, когда немцы стали стремительно приближаться к столице, иеромонах Феодор в конце июля 1941 года был перевезен в Саратов. В течение долгого времени его ежедневно вызывали на допросы ночью, не давали спать и подвергали пыткам.

В одной с ним камере саратовской тюрьмы оказался еще один московский арестант — оставшийся без кафедры архиепископ Николай (Могилевский). Он был арестован 27 июня и также этапирован в Саратов из-за немецкой угрозы Москве. Позже он вспоминал: «Отца Феодора ежедневно в течение долгого времени вызывали ночью на допросы, не давая ему нарочно спать, и там избивали и топтали ногами. Один раз его приволокли с допроса с окровавленным лицом, часть бороды вместе с кожей у него была вырвана. Мучили они его за то, что он упорно ничего не отвечал им, несмотря на пытки. Ни одного слова. Они требовали, чтобы он назвал фамилии всех духовных детей и других лиц, с которыми он общался». Архиепископ Николай был приговорен к 5 годам ссылки в Казахстан и отправлен в город Челкар Актюбинской области, где чудом остался жив.

12 ноября 1941 года УНКВД по Саратовской области были арестованы насельницы подпольного женского монастыря,

существовавшего в Саратове после ликвидации 14 сентября 1927 года трудовой артели, организованной вместо упраздненного еще в 1920 году Крестовоздвиженского женского монастыря.

А примерно через месяц, 9 декабря, Патриарший Местоблюститель митрополит Московский Сергей (Страгородский) подписывает указ о назначении архиепископа Андрея (Комарова) на Саратовскую кафедру. Формально «вдовство» кафедры закончилось, однако довольно быстро владыка Андрей выясняет, что ехать ему некуда, — в епархии нет не только кафедрального собора, но вообще ни одного храма, служить негде. И он, оставаясь до поры в Куйбышеве, начинает ходатайство о возвращении Церкви хотя бы каких-то храмов. Ему понадобился почти год для того, чтобы был достигнут первый успех: 8 октября 1942 года была совершена первая Литургия в возвращенном Церкви Свято-Троицком «Старом» соборе Саратова. Епархия обрела свой первый храм! В последующие годы было открыто еще несколько храмов — в Вольске (в 1943 г.), Ртищеве, Петровске (оба в 1944 г.) и Пугачеве (в 1945 г.). С одной стороны, это свидетельствовало о том, что власти, пусть и по минимуму, начали снижать давление на Церковь. С другой же — на эти четыре открытых храма пришлось 58 ходатайств об открытии храмов, поступивших в течение военных лет от верующих Саратовской области, которые удовлетворены не были.

25 марта 1942 года на 75-м году жизни скончался архиепископ Саратовский Досифей. Его отпевал находившийся в Саратове в ссылке петроградский протоиерей Николай Чуков, будущий архиепископ Саратовский (с 1945 г. — митрополит Ленинградский) Григорий. Как свидетельствует его рапорт митрополиту Сергию, «гражданские власти, констатировавшие смерть, нашли ненужным вскрытие и выдали пасхальную ризницу для облачения тела, которое на машине было перевезено на кладбище, где и предано земле...

при очень большом стечении верующих». Но в то же самое время, когда власти дали похоронить почившего святителя, да еще и выдали для этого облачение, в саратовской тюрьме пытали игумению Антонию (Заборскую), иеромонаха Феодора (Богоявленского) и других христиан. Матушка Антония, не выдержав пыток, скончалась в тюрьме 5 июня 1942 года, регент общины монахиня Варвара (Глотова) была приговорена к смертной казни, четыре сестры получили десятилетние лагерные сроки. Отец Феодор, выдержав все пытки, был 26 июня 1943 года приговорен к 5 годам ссылки в Красноярский край, но его здоровье уже было непоправимо подорвано, и 19 июля он умер в пересыльной тюрьме Балашова.

Его сокамерник, архиепископ Николай, был досрочно освобожден из ссылки 19 мая 1945 года, перед Поместным Собором Русской Православной Церкви. Возможно, на его судьбу повлиял документ, поданный еще осенью 1943 года митрополитом Сергием (Страгородским) И. В. Сталину, — список 26 репрессированных деятелей Русской Церкви, которых он «желал бы привлечь к церковной работе» и об освобождении которых Местоблюстителю ходатайствовал. Патриарх Сергей умер, так и не узнав, что из 26 человек (24 архиерея, 1 архимандрит и 1 иеромонах) в живых к тому времени остался только святитель Николай — все остальные были расстреляны еще в конце 1930-х годов.

8 марта 1943 года в инвалидном лагере на станции Антибес (на территории современной Кемеровской области), принадлежавшем к системе Мариинских лагерей, от истощения умер Николай Николаевич Фиолетов — бывший профессор Саратовского государственного университета, выдающийся юрист, прекрасный лектор и одновременно — замечательный богослов, специалист по каноническому праву. Много лет Николай Николаевич, сын священника Саратовской епархии, воспитанник Саратовской семинарии, отдал юридической

защите Церкви в начавшихся гонениях. Свой более чем двадцатилетний опыт подпольной катехизаторской работы и защиты христианского учения профессор Фиолетов обобщил в работе, оставшейся, к сожалению, незавершенной — «Очерки христианской апологетики». Книга увидела свет только в 1992 году. 25 июня 1941 года Николай Николаевич был арестован в последний раз и из лагерей уже не вернулся.

18 сентября 1941 года в Пугачеве был арестован священномученик Иоанн Заседателев. В конце 1930-х годов ему было разрешено вернуться из ссылки, а теперь, после того как священник возбудил ходатайство о возобновлении богослужений в храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы, где он служил до самого закрытия храма в 1932 году, он был вновь арестован. Еще 2 апреля горсовет Пугачева принял решение о признании храма «аварийным» (хотя зданию было меньше полувека, да и разрушать его пришлось больше 10 лет), а священник 14 марта 1942 года был приговорен к 10 годам концлагеря. Условия, в которых содержали 78-летнего старца, были таковы, что до лагеря его не довезли — он скончался на лагерном этапе.

Так практически одновременно с открытием храма в Саратове (8 октября 1942 г.) мучеником стал священник, пытавшийся открыть храм в Пугачеве (29 октября). Храм в Пугачеве в честь Воскресения Христова был передан верующим 6 апреля 1945 года.

Сегодня и иерей Иоанн, и иеромонах Феодор почитаются Вселенской Церковью в лике святых новомучеников и исповедников Церкви Русской; их имена внесены в список Собора Саратовских святых. В лике святых прославлен и владыка Николай (Могилевский), ставший позднее митрополитом Алма-Атинским и Казахстанским. Его святые мощи почивают в Свято-Никольском кафедральном соборе города Алматы.

После войны верующие неоднократно обращались к властям с просьбами об открытии Духосошестввенского храма, и только 2 января 1948 года горисполком вынес решение: «Ходатайство группы верующих об открытии Духосошестввенской церкви удовлетворить». При активной помощи епископа Саратовского и Вольского Бориса (Вика) церковь была возрождена. На последующие 42 года в почти миллионном городе было всего два храма.

При этом необходимо помнить, что, по данным уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Саратовской области, на конец 1944 года в Саратовской области на учете состояло 225 церквей и молитвенных зданий. А это означает, что более тысячи храмов были не только закрыты, но и уничтожены!

Некоторые храмы, открытые на волне послевоенного «потепления», были позже закрыты — в частности, Свято-Троицкий храм села Золотое Красноармейского района. Его окончательно вернули верующим лишь в 1989 году. К 1955 году число храмов на территории Саратовской области достигло 15 (и это при населении в два с лишним миллиона человек!) и оставалось таковым до самого окончания гонений в 1989 году.

Весной 1946 года в колонии № 17 недалеко от города Пугачева Саратовской области оперативно-чекистский отдел УИТЛК УМВД по Саратовской области начал разработку дела № 150/46, которое оказалось уникальным на фоне советской лагерной действительности. Одним из обвиняемых по этому делу проходил иеромонах Никита, в миру Николай Петрович Сапожников, приговоренный Духовницким районным судом Саратовской области к 5 годам заключения в 1945 году за нарушение пропускного режима (он отправился в Киев к месту своего нового церковного служения, не выправив предварительно в органах МВД соответствующий пропуск). Это был четвертый лагерный срок отца Никиты,

причем с третьего срока заключения он освободился всего за два года до этого — в 1943 году. После рассмотрения 12 октября 1946 года Специальным лагерным судом лагерей и колоний УМВД по Саратовской области сфабрикованного дела пятилетний срок заключения для отца Никиты превратился в десятилетний, который он отбыл полностью. К тому времени, когда в 1956 году иеромонах Никита вышел-таки на свободу, он провел в лагерях и ссылках в общей сложности 27 полных лет! Уникальность же пятого (!) следственного дела отца Никиты была в том, что после освобождения страдалец принялся хлопотать о пересмотре дела и отмене судимости. Первый раз он подал подобное ходатайство в 1954 году, будучи в заключении, и получил отказ. В течение девяти лет после освобождения старец, продолжавший искренне и совершенно по-детски верить в возможность добиться справедливости от советской карательной системы, искал правды и сумел все же добиться ее — 3 марта 1965 года Верховный суд СССР отменил вынесенный в 1946 году приговор в отношении Сапожникова Николая Петровича и дело о нем прекратил производством за отсутствием в действиях отца Никиты состава преступления. Сам иеромонах Никита, принявший в 1970 году схиму с именем Никандр, мирно скончался 7 октября 1974 года в возрасте 83 лет.

16 ноября 1947 года возобновила свою работу Саратовская духовная семинария. Она оказалась единственным духовным учебным заведением на огромной территории — в ее стенах обучались воспитанники из 11 епархий. Необходимо понимать, что 11 епархий не были тождественны 11 областям или республикам РСФСР — в наступившее время нового гонения на Церковь из-за невозможности назначить новых архиереев епархии приходилось объединять, и границы епархий тех лет отнюдь не совпадали с административно-территориальным делением СССР. В частности, после перевода в 1949 году из Саратова

(вследствие истории с «Саратовской купелью») епископа Бориса (Вика), открывавшего Саратовскую семинарию, сменивший его Преосвященный Филипп (Ставицкий), архиепископ Астраханский и Сталинградский, получил титул «Астраханский, Сталинградский и Саратовский» — вся огромная территория Нижней Волги вошла в пределы одной-единственной епархии.

«Саратовская купель» — так среди историков неофициально именуется совершение на Богоявление 1949 года Великого освящения воды на проруби, сделанной во льду Волги недалеко от Троицкого собора, в районе современного речного вокзала. После самого водосвятия состоялось традиционное крещенское купание в проруби. Сохранившаяся фотография запечатлела многотысячную толпу людей, пришедших «на иордань», — безмолвный ответ верующего русского народа на все десятилетия притеснений веры и государственной пропаганды атеизма.

Выводы из произошедшего были сделаны властями незамедлительно — организовавший «порнографическое действо... юродствующих кликуш и мракобесов» епископ был через месяц переведен на другую кафедру, «Правда» опубликовала фельетон «Саратовская купель» (по этому заголовку и именуют сегодня всю историю с водосвятием на Волге), задавший тон кампании в печати, а «из центра» обрушился целый комплекс административных мер не только против духовенства и верующих, но и против представителей местных органов власти.

В стране начался новый виток антицерковных репрессий. Особенно это стало заметно после прихода к власти в 1953 году Н. С. Хрущева. «Оттепель», начавшаяся надеждами на изменение политики советской власти, обернулась для Церкви новыми гонениями. 30 мая 1961 года была закрыта Саратовская духовная семинария, и не возобновляла своей деятельности до осени 1992 года.

Сегодня, когда мы обращаемся к опыту столетия, минувшего со дня начала гонения, мы видим, что подвиг святых новомучеников и исповедников Церкви Русской оказался поистине тем семенем, из которого, несмотря на все усилия гонителей (вплоть до попыток предать забвению Имя Божие на нашей земле), выросло новое древо, — и мы видим не только возрождение административной структуры Церкви и восстановление храмов, в которых вновь совершается богослужение, но гораздо большее — люди, выросшие в той самой выжженной духовной пустыне, в которую превратились многие области нашей Родины, несмотря на десятилетия безбожия все же обращаются к Богу. Пусть же подвиг новомучеников, ценой своих страданий и крови давших нам, сегодняшним, возможность открытого церковного служения, не будет забыт ни нашим поколением, ни грядущими.